

М.С. Ишманова, А.В. Борисенко, И.В. Пономарев

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРНЫХ СРЕДАХ

В статье предлагается сравнительный анализ идеальных экономических систем и необходимых им моделей организаций, при этом отмечается, что существует тенденция к обеспечению разнообразия моделей, что приводит к необходимости досконального изучения систем с целью выбора идеальной. Определяя соответствие предлагаемой идеальной экономической модели классификации, предложенной М.Ю. Савельевым, следует обратить внимание на управленческие достижения дальневосточной цивилизации. В рамках индивидуализма даосизм, буддизм предлагают системы гармоничного существования и восприимчивости к изменениям. Конфуцианство, предполагая коллективизм, предлагает рассмотрение командно-этической системы управления. Проведен сравнительный анализ дальневосточной и западной этико-культурных сред хозяйствования. Эффективный синтез современного и традиционного, который лежит в основе новой модели идеальной экономической системы, определяет ее привлекательность для многих стран, ищущих свой путь в трансформирующейся мировой экономике.

Ключевые слова: идеальная экономическая система, социоцентризм, неоконфуцианство, буддизм, даосизм, адамситовская экономическая система, мультикультурный институционализм, координация, организация

Идеальная экономическая система в идеологическом плане представляет то, к чему нужно стремиться в экономическом развитии; в рамках проведения научных исследований идеальная экономическая система является ядром научной парадигмы – главным концептуальным средством исследования любых выявленных феноменов.

Разнообразие культурных оснований для проектирования моделей идеальных экономических систем

Анализ идеальных экономических систем и соответствующих им моделей организаций общества позволяет выявить тенденцию обеспечения к их разнообразию, что приводит к необходимости досконального изучения данной проблемы с целью выбора идеальной экономической системы общества.

Так, буддизм, по утверждению Шумахера [1], представлял модель экономики с ограниченным ростом, с учетом совместимости с экологическими проблемами. Эти идеи были основаны на утверждениях Далай-ламы, духовного лидера тибетского буддизма. Мьянма (Бирма) может рассматриваться в качестве примера буддийской экономики. В течение нескольких десятилетий ее правители следовали форме буддийского социализма, что привело к низкому экономическому росту [2]. Но есть и другие буддийские общества, которые приняли иные модели экономического развития, в частности, примером может служить капиталистический рынок Таиланда [3]. На современном этапе восточный буддизм – хинаяна – реализуется в рамках ортодоксальной буддийской системы в Бутане, буддистский социализм – в Шри-Ланке; западный буддизм – махаяна – является исходной культурой для реформирования общества в дальневосточной цивилизации, в этом его роль совпала с даосизмом, а при интеграции с легизмом выразилась в форме маоизма.

Без сомнения, в Индии в рамках индуистского направления религии возникло движение, представителями которого первоначально были члены партии Бхаратия Джаната (БДП), которая управляла страной 1991-1996 гг.[4]. Формируемая лидерами данной партии экономическая система, выступала против современных технологий, используя политику протекционизма, защиту кастовой системы, подавление других религий.

В иудаизме существуют многочисленные правила, касающиеся экономического поведения, изложенные в Торе, охватывающие многие направления экономического развития системы. В Израиле на сегодняшний день существует политическое движение, связанное с ортодоксальным иудаизмом, хотя наложение древних библейских правил на экономическую систему в целом не является прерогативой деятельности правящей партии. Исторически иудаизм на практике тесно связан с развитием рыночного капитализма. В библейских правилах пропагандируется принятие рынка и этических законов. Иудаистская традиционная система реализуется в талмудическом иудаизме, основным принципом которого является: «если вещь не принадлежит иудею, то она не имеет собственника»; а также в общинной системе – кибуцы.

Положение римского католицизма является более сложным, так как исторически католицизм выступал в качестве идеологического защитника традиционной экономики в европейской феодальной форме, что кодифицировано во взглядах Фомы Аквинского с его доктринами о справедливой цене, оппозиции ростовщичества и поддержке экономического поведения в церкви на основе социально-культурной базы. Поскольку католическая церковь стала доминировать в Европе и Северной Америке в конце девятнадцатого

века, позиция Ватикана эволюционировала в сторону доктрины гармонии между социально-экономическими классами и государством, что легло в основу учения XX века – корпоративизма [5]. Сегодня, несмотря на то, что церковь поддерживает квази-марксистскую теологию освобождения, ее официальная позиция в значительной степени состоит в том, чтобы примириться с современной идеей рыночного капитализма. Католическая традиционная система, в отличие от ортодоксального христианства, обосновала претензии церкви на собственность и политическую власть, тогда как в протестантизме эти взгляды были распространены на любую политико-экономическую деятельность. Католическая система является основой современных западных консерваторов.

Основа исламской экономической системы изначально возникла из учения Пророка Мухаммеда, являющегося практикующим купцом, в отличие от основателей других великих мировых религий. Это отражается во взглядах современных исламских экономистов, которыми исламская экономическая система рассматривается как третий путь между капитализмом и социализмом [5] для развивающихся стран, выходящих из колониального правления.

Важные элементы исламской экономики включают пропаганду милостыни (закаят), пропаганду прибыли (qīḡad), оппозиции играм (гарар), и, прежде всего, оппозиции арендной плате (риба). Исламская традиционная система содержит запрет всех форм кредита (аренды, процентов, страховок), системы перераспределения богатства не только через милостыню, но и через налоги.

Экономическая система на основе конфуцианства

В районах Восточной Азии со значительным этническим составом китайцев, а также в Корее и Японии формируется экономическая система, основанная на конфуцианстве [6]. Конфуцианство отличается от всех вышерассмотренных систем тем, что оно представляет собой философию. Исполняя роль проводника моральных принципов и социально-культурной практики, конфуцианство дает основу, на которой могут внедряться экономические методы. Конфуцианство по своей сути ближе к буддизму, индуизму, христианству и иудаизму, так как содержит более общие принципы, открытые для различных интерпретаций, а не конкретные правила и предписания в отношении экономического поведения как в исламе.

Основные пять принципов конфуцианства: доброжелательность (жэнь), праведность (я), приличия (Li), мудрость (чжи), и верность (синь) - лежат в основе уважения к иерархии в обществе при условии существования элит, которые лояльны и доброжелательны. Наряду с этим, акцент делается на образовании, которое рассматривалось Конфуцием в качестве критерия принадлежности к правящей элите и стало основой бюрократии имперского Китая.

Принципы конфуцианской доктрины четко согласуются с различными экономическими системами. Тем не менее, неоконфуцианство, разработанное в Китае, выступающее против торговли, индустриализации, внешней торговли, на самом деле было официальной доктриной ультра-изоляционизма Кореи и Японии. Традиционно на территории Китая конфуцианство предполагает вмешательство государства в экономику, а представители даосизма, придерживаются противоположной точки зрения [7].

Сторонники "конфуцианской экономики" в современной Восточной Азии, как правило, отождествляют ее с авторитарной политической и социальной системой, государственным контролем и планированием экономики. Это справедливо для капиталистического рынка в Сингапуре, где конфуцианство, выдвинутое в качестве антизападной доктрины, способствует развитию экономической системы аналогичной Китая. В Китае Дэн Сяопин был подвергнут критике со стороны Мао Цзэдуна за идеи конфуцианства. Последователи Дэн Сяопина рассматривают конфуцианство как оплот против вестернизации, либерализма и уважения к центральной государственной власти в условиях постсоциалистического общества. Конфуцианская традиционная система является основой дэнсяопиновской модели, а в Японии – современной синто-конфуцианской идеологии.

Сторонники данной позиции рассматривают конфуцианство в качестве частичного объяснения "восточно-азиатского экономического чуда". Аспекты этой системы, предположительно, вносят свой вклад в высокие темпы экономического роста, наблюдаемые в этом регионе мира, включая формирование высокообразованной популяции, повышение качества человеческого капитала, усиление позиции семьи, ведущей к высокой норме сбережений, снижение уровня конфликтности между работниками и менеджерами, а также общее стремление к кооперации между правительством и бизнесом при условии сохранения государственного вмешательства в экономику, имеющего положительное воздействие в рамках эффективного планирования со стороны высоко образованных элит и сотрудничества между государственным и частным секторами [8]. Излишне говорить, учитывая недавние кризисы в некоторых из этих стран, что потенциальный недостаток этого подхода состоит в коррумпированности государственно-частных отношений.

Сравнение адамсмитовской и неоконфуцианской моделей идеальной экономической системы

При сравнении понятия идеальной экономической системы и необходимых ей моделей организаций, мы должны быть очень осторожны в области определения различий в основополагающих принципах и исторических случайностях. Два тысячелетия отделяют Смита и Конфуция, существуют важные и существенные различия между европейской и восточной системой социального порядка, которые отражены в исследованиях великих мыслителей. В нашем контексте, в первую очередь, следует обратить внимание на

иерархию в организации, свойственную нео-конфуцианству, что не находит отражения в трудах Смита. Нео-конфуцианские мыслители определили ключевую роль семьи как условие стабилизации общественного порядка, что привело к значительным различиям в интеллектуальной оформленности организации.

Диалог между Смитом и Конфуцием можно установить, сосредоточившись на некоторых фундаментальных философских понятиях, видоизмененных в результате наложения на социальную структуру. При этом существуют два важных замечания. Первое относится к натурализму, второе концентрируется на центральной конфуцианской концепции "Рен".

С позиции Смита, натурализм имеет две стороны. Одной из них является присутствие замечаний относительно нравственного поведения при проведении анализа человеческой природы. Это приводит Смита к четкому признанию роли истории в возникновении нравственного поведения. Другое заключается в использовании понятия «природа» применительно к вере, составляющей естественный порядок вещей, который основывается на Божьем дизайне мира. В данном аспекте происходит стыковка двух уровней анализа, в рамках одного из которых находится эмпирическое понятие поведения, другой связан с построением идеальной-типической концепции социальной системы. Это различие очень близко к классической китайской мысли, изучающей основы человеческой природы и ее гармонии с учетом космологических законов.

Конфуцианский морализм исходит из определенных представлений о человеческой природе, которые отличаются от других школ в Древнем Китае. Следует отметить, что здесь можно найти два противоречивых мнения, которые близки к двум полюсам проблемы, определенной Адамом Смитом. С одной стороны, предполагается, что человеческая природа не является внутренне нравственной, конфуцианцы же всегда считали, что нравственное поведение является неотъемлемой частью человеческого существования; Метцер, в частности, подчеркнул совершенство человеческой природы [9]. Первая позиция основывается на убеждении, что эгоистические, аморальные люди должны руководствоваться системой санкций и наград, чтобы прийти к нормам правильного поведения. Конфуцианцы утверждали, что моральное развитие личности никогда не происходит в изоляции, в связи с этим **учебный процесс в рамках естественных социальных единиц определяет действия индивида с соответствующими нормами.**

Если отойти от культурологического контекста формирования модели идеальной экономической системы, следует подчеркнуть, что прослеживается родство между адамситовской теорией и неоконфуцианской, так как оба течения основываются на понятии естественных идей нравственности, а также на необходимости развивать организационные взаимоотношения посредством социализации.

На более детальном уровне, моральные механизмы, возникающие в концепции Рен, идентичны предложенной Смитом системе категорий. Существует разрыв между моральными предписаниями, выходящими из концепции Рен, и христианской вселенской любовью, потому что конфуцианская мораль руководствуется принципом взаимности и в результате возникает различие между временными горизонтами, обрамляющими решения связанных людей по отношению друг к другу. Действительно, взаимный обмен может рассматриваться в качестве культурного основания для формирования и развития китайского общества.

Для сравнения, понятие Смита о морали отнюдь не предполагает безусловную христианскую любовь. Смит предлагает очень сложную систему взаимности, лежащей в основе моральных отношений, которая наиболее очевидно проявляется в одном из его знаменитых высказываний: "Любить наших ближних необходимо так же, как мы любим себя, это великий закон христианства, таким образом, предназначение природы любви состоит в любви к ближнему, или, что то же самое, как будто бы наш сосед способен любить нас" [11]. Взаимность является результатом процесса взвешивания достоинств и недостатков сторонним наблюдателем. В этом процессе сам человек определяет баланс, даже находясь под воздействием роли привлеченного участника. Таким образом, версия «золотого правила» Смита не выводится из некоторых рационалистических принципов, но вырастает из анализа нравственного развития. Золотое правило также является ключевым понятием в нео-конфуцианской модели мышления.

Общность адамситовской и неоконфуцианской концепций формирования идеальной экономической системы заканчивается в определении правосудия. Справедливость в понимании Смита основана на обсуждении достоинств и недостатков действия, которое определяет настроение различных сторон, участвующих в организации в том числе и в качестве беспристрастного зрителя. Нео-конфуцианское понятие справедливости тесно связано с понятием ритуала, основанным на иерархическом порядке. Тем не менее, в то же время неоконфуцианские мыслители утверждали, что неравенство допустимо, только если извлекают преимущества все участвующие стороны. Справедливость становится добродетелью, которая тесно связана с общественными интересами, и, следовательно, непосредственно сталкивается с индивидуальным интересом руководителя организации. Таким образом, поведение индивидов формирует высокий социальный и политический ранг в рамках организации. Следовательно, справедливость рассматривается как возможность действовать беспристрастно. Эта концептуальная связь не была отражена до сегодняшнего дня в различных современных китайских формах правосудия, беспристрастность и сбалансированность взаимодействия людей и обстоятельств только предполагались. Таким образом, мы находим аналогию явления нравственного развития в учении Смита и Нео-конфуцианства, что нивелирует предвзятые представления о пристойности в рамках партикуляристского социального контекста, и, в конечном итоге, приводит к формированию нейтральной концепции социальной справедливости.

Если проследить поведенческие последствия морального развития, то следует обратить внимание на самоконтроль, роль которого определяется в учении Смита. Это совпадает с нео-конфуцианской мыслью о формировании правильного поведения в целом. Самоконтроль является необходимым условием для работы в социальной сфере, и это особенно важно для поведения элит. И нео-конфуцианство, и Смит определяют роль самообладания в качестве необходимого компонента развития идеальной экономической системы, в противном случае выход индивида из состояния равновесия обусловлен рядом желаний и страстей, без четкого фокусирования на решении проблемы [12]. Таким образом, как Смит, так и представители нео-конфуцианства осуждают моральное разложение, приводящее к погоне за богатством и мешающее социальным элитам выполнять роль моральных примеров. Интересно, что многие исследователи указывают на нео-конфуцианскую враждебность по отношению к коммерции и прибыли с тем, чтобы объяснить отрицательную роль сложившейся модели в обеспечении экономического развития. По-нашему мнению, ставится неправильный акцент на то, что нео-конфуцианцы рассматривали нравственность и мораль как стандарт для элит, но не для обычных людей. В то же время, некоторые последователи нео-конфуцианской школы подчеркивали высокую значимость торговли. В этом взгляды Смита и нео-конфуцианцев совпадают.

В контексте саморегуляции, особый акцент в нео-конфуцианской модели отводится роли Ли, что переводится как "ритуал", в то время как Смит подчеркивает эндогенность данного фактора. Тем не менее, вопрос состоит в том, насколько смитовская идея приличия связана с аналогичными постулатами в рамках нео-конфуцианской модели. В нео-конфуцианской мысли Ли рассматривается в качестве внешнего выражения общественного порядка, потому что именно в ритуалах, как социальном заказе, прослеживается влияние на поведение индивидов. В то же время, после ритуала формируется направление нравственного развития личности, которая без воздействия ритуалов может потерять ориентацию. Ритуал конденсируется в символы, а социальный порядок должен быть отражен в правильном использовании данных символов. В частности, пользователь символа должен соответствовать ожиданиям, что подразумевает "исправление" в случае неправильного использования символов.

В данном ракурсе достаточно сложно провести параллель с адамситовской концепцией идеальной экономической системы. Тем не менее, следует отметить, что на фундаментальном уровне, а именно в рамках концепции «зритель», предложенной Смитом, упор делается на семантическую систему, которая присваивает значения для определенных действий, следовательно, вовлекая значения в процесс формирования системы. В случае с «беспристрастным зрителем» это будет означать, определенную универсальную систему символических представлений и действий. В этом смысле прослеживается ее сближение с нео-конфуцианской моделью мышления, что подчеркивает необходимость использования символов в обществе.

В нео-конфуцианстве подчеркивается отрицательность влияния экономической либерализации и роста на развитие традиционной социальной структуры. Снижение традиции также воспринимается как снижение морали. Это совпадает с пессимизмом Смита о моральных последствиях в погоне за богатством. В этом смысле, Смит стоит ближе к нео-конфуцианской концепции Ли, в частности, если речь идет об акцентировании на нео-конфуцианском автономном нравственном совершенстве.

В целом, Смит и нео-конфуцианство сходятся в определении приоритета социального в развитии личности. Данное фундаментальное отличие от западноевропейской традиции было подчеркнуто через многие десятилетия в межкультурном диалоге по вопросам нео-конфуцианства. В то время как западные интеллектуалы, главным образом, считают, что индивидуальная автономия является источником социального порядка через соглашения и / или реализацию некоторых естественных прав личности, концепция прав находится за пределами социальной единицы в китайской мысли. До наших дней это является главным пунктом разногласий в обсуждении прав человека [13]. Смит также не может думать о моральной ценности за пределами области социального взаимодействия, которое, как он утверждает, является выражением человеческой природы. Моральные ценности индивидов формируются через социальные взаимодействия. Это также подтверждает родство между Смитом и нео-конфуцианством в определении значимости нравственного развития.

Также следует обратить внимание на космологическое измерение связей в рамках идеальной экономической системы. В традиционной китайской мысли, а также в даосской мысли, подчеркивается синхронизация природного и социального порядка, при этом поддерживается идея невмешательства в последнем. Таким образом, мы приходим к согласованию нравственного развития и естественного социального порядка, что особенно подчеркивалось в трудах представителей нео-конфуцианства.

В целом, если мы сосредоточимся на некоторых основополагающих принципах, Адам Смит и нео-конфуцианство, похоже, схожи в некоторых важных аспектах, которые в то же время отличают данные концепции от пост-смитовских западных взглядов. Важными моментами являются примат человеческой социальности для содержательного человеческого существования, эволюционный подход к морали, взаимодействие между организациями личностей и нравственным развитием, озабоченность по поводу моральных последствий экономического поведения, что приводит к убеждению, что природные принципы человеческого общества должны быть построены на основе индивидуальной моральной ответственности.

С моей точки зрения, в течение двух столетий экономика была проникнута культурными предрассудками о человеческом поведении, которые были формирующей основой в культурной и экономической эволюции западных обществ. Эти предрассудки привели к необъективности приемов Адама

Смита в раскрытии экономики как науки. Следует отметить, что, если экономика начинает признавать культурную включенность экономического поведения, и если в конечном итоге экономической поведение будет также включать в себя принятие экономикой своей культуры, можно говорить о формировании межкультурного дискурса между экономической системой и социальными институтами. В попытке найти некоторые точки соприкосновения между идеями Смита и Нео-конфуцианства, которые могли бы повлечь за собой рассмотрение вопроса о возможном слиянии Западной и Восточной основных концепций морали, можно прийти к определению идеальной экономической системы и правилам формирования институционального дизайна.

Рассмотрим некое предприятие с тем, чтобы понять потенциальные возможности практического применения. Влиятельный ученый Гонконга Ган Ян утверждает, что в настоящее время переход от «национального государства» к «цивилизованному государству» проходит в рамках «возрождения прошлого» в современном римейке [16]. Особенности потребления, права интеллектуальной собственности и неравенство в распределении доходов определяют на сегодняшний день социальные результаты в рамках определенной институциональной обстановки.

Институциональный дизайн не может быть построен только лишь на понятиях эффективности. Экономическая политика не может быть отделена от общественного дискурса фундаментальных понятий справедливости и морали. Сегодня в данном вопросе существуют противоречивые позиции, но они должны быть учтены в рамках одной интегрированной структуры мышления о законах построения современных экономических систем. Социальный порядок опирается на легитимность позиций индивидов в определенной системе стратификации и иерархии. Иерархии ценностного содержания определяют уровень потери контакта с важной частью социального порядка. Интересным в рамках сравниваемых концепций является вопрос о нравственном измерении потребления. И Смит, и представители Нео-конфуцианства сходятся во мнении, что стремление к потреблению приводит к моральному разложению. Нео-конфуцианцы подчеркивают, что потребление должно отражать моральные ценности в том плане, что потребление и моральный статус должны совпадать. Смит здесь амбивалентен. Однако, как мы видели выше, он понимает, что потребление обладает определенной степенью морального обмана [17]. Наиболее свежий пример для определения актуальности этой мысли - стремление к приобретению престижных автомобилей, которые характеризуются высокой степенью выбросов диоксида углерода. Многие престижные автомобили, конечно, обладают высокой функциональностью и непосредственно являются отражением относительного статуса в социуме. В результате количество лошадиных сил становится индикатором социального благосостояния. Возникает вопрос, смогут ли нынешние опасения по поводу глобального климата привести к озабоченности в моральном плане по поводу использования престижных автомобилей. Таким образом, в социуме "правильность" использования престижных автомобилей определяется политиками, при этом результативность обсуждения зависит напрямую от моральных качеств последних. Мораль как самоконтроль социальных элит, кажется, является альтернативой потреблению, не зависящему от государственного интервенционизма. Социальные элиты стремятся обеспечить реализацию ролевых моделей в процессе обеспечения общественного блага. Данная деятельность социальных элит может потребовать морального регулирования.

Вышеуказанная проблема морального состояния может быть перенесена на процесс общего глобального распределения богатства. Качественный уровень жизни, как правило, связан с особенно сильным ожиданием нравственного поведения от индивидов. Это означает, что глобальное поведение промышленно развитых стран следует оценивать по особо строгим критериям, что будет оказывать определенное влияние на понятия глобального управления. Например, в дебатах о правах интеллектуальной собственности часто акцентируется внимание на понятии моральной низости при осуществлении интеллектуального заимствования, которое поддерживается соображениями эффективности. Тем не менее, в то же время многие наблюдатели ставят под сомнение неравноправие в распределении прав на знания, которое сильно усиливает глобальное неравноправие [18]. В то же время, моральные нормы относительно интеллектуальной собственности широко различаются в разных обществах; например, в Китае возможность осуществления копирования работ других рассматривается как способность к обучению и совершенствованию. Таким образом, добавление нравственного измерения в дискуссию по поводу интеллектуальной собственности может привести с некоторыми оговорками к жесткой позиции западных стран против нарушения прав интеллектуальной собственности в Китае.

Существует также необходимость пересмотреть критерии справедливости в свете нравственной взаимности. Даже жесткие сторонники либеральной мировой экономики, такие как Джагдиш Бхавати, указали на то, что существует необходимость различать сходимость институтов и сбалансированность распределения экономических тягот в рамках конвергенции между странами. "Справедливость" как выравнивание институциональных условий может привести к более высоким затратам на конвергенцию для менее развитых стран, чем для крупных участников экономического процесса, находящихся на вершине институциональной передовой практики. Таким образом, моральные соображения могут повлиять на формирование мировой экономики [19].

Моральный дискурс уместен, когда возникает вопрос о распределении доходов. На сегодняшний день в рамках формирования идеальной экономической системы существует потребность в организации нравственной экономики свободной торговли, которая рассматривает справедливость как ключевой момент для достижения гармонии "естественного" и системы индивидуальных интересов.

Это возможно только тогда, если политика рассматривается как процесс нравственного развития в рамках межкультурного взаимодействия. В этой связи, серьезным недоразумением является то, что политическая экономия при оценке международной торговли только анализировала, как достигается равновесие групп влияния в отечественной и международной политической борьбе за обмен благами. Вместо этого, мы должны рассматривать торговую политику как процесс, который приводит к сближению взглядов о справедливом распределении издержек и выгод в рамках свободной торговли. Политика должна быть не только инструментом, предполагающим формирование оптимальных в социальном и экономическом плане учреждений, но и должна формировать открытое пространство для нравственного развития акторов. Восприятие организаций не только в качестве инструмента для достижения эффективности, но в качестве морального проекта общества, является первым шагом на пути к формированию их транскультурного основания. В этом состоит конвергенция между Смитом и Нео-конфуцианством.

Различия религиозной экономики и экономики религий

С позиции Курана [20], существует «религиозная экономика» и «экономика религии». Данное положение является принципиально новым институционалистским подходом к изучению религиозного поведения, использующего экономические методы принятия решения.

"Религиозная экономика" стремится преобразовать людей в конкретных религиях, использовать религиозные воззрения в экономике, в религии для обеспечения перехода к новой традиционной экономической системе. «Экономика религии», по существу, следует формалистскому подходу проведения анализа религиозного поведения в соответствии с якобы универсальными принципами рационального экономического поведения.

Отражают ли данные взгляды особенности системы, в которой экономическое поведение встраивается в социально-культурную базу так, что большинство решений о распределении ресурсов определяется по правилам или традициям, полученным в рамках религиозного течения на сегодняшний день достаточно трудно сказать однозначно.

Хотя новая модель идеальной экономической системы не может существовать как полностью развитая система в полном смысле слова, она существует как перспектива в виде идеальной модели, которая стала идеологическим движением с высоким уровнем значимости во всем мире и во многих обществах. Эффективный синтез современного и традиционного, который лежит в основе новой модели идеальной экономической системы, и определяет ее привлекательность для многих стран, ищущих свой путь в трансформирующейся мировой экономике.

Исследование идеальных экономических систем в работах М.Ю. Савельева

Идеальные экономические системы разных традиций хозяйствования – это исходные научные допущения, принятые определенным научным сообществом в качестве фундаментального ядра научной парадигмы, используемой для проведения экономической политики. В своем исследовании М.Ю. Савельев в качестве главной теоретической задачи поставил задачу выяснить влияние культуры на формирование идеальных экономических систем [21], что соответствует предмету нашего исследования. Им показано, что устранение исследователей от создания таких идеальных объектов приводит к остановке развития научного знания [22]. Рассматривая систему знаний экономического мейнстрима, он указывает на ее обусловленность культурой Запада и естественно-научными стереотипами мышления [23-26]. Проектируя в качестве альтернативы парадигму экономической науки, в которой при формировании экономических отношений первичны не производительные силы общества, а культурные среды, им пересмотрены основные признаки экономической системы [23-24] и способы ее исследования [25-29].

Последовательно рассматривая проблемы экономического неравенства [31] и знаний, как основного экономического фактора [32-33], М.Ю. Савельев вышел на исследование различий в культурах хозяйствования [34] и поиск межцивилизационных конкурентных преимуществ и стратегий конкуренции экономик с разными культурными средами [35-38]. Эти эмпирико-онтологические искания позволили построить культурологическую модель хозяйственных различий [37-39] с выходом на проекты четырех идеальных макроэкономических систем координации хозяйствующих субъектов, соответствующих структурам культурных сред основных современных цивилизаций человечества [39], две из которых соответствуют исследованным нами идеолого-культурным средам: однородная рыночная координация – западной – протестантско-либеральной и иерархическая координация – дальневосточной – неоконфуцианской. Две других идеальных экономических системы охватили значительно большее количество культур и цивилизаций: неоднородная рыночная координация обнаруживается в ближневосточной и индийской цивилизации, а сетевая – в российской, латиноамериканской, юго-восточноазиатской и африканской.

Требования, предъявляемые этими идеальными макроэкономическими системами к организациям [40-41], позволили М.Ю. Савельеву спроектировать четыре модели идеальных организаций: фирмы – коммерческой организации [42], корпорации – организации рыночной инфраструктуры [43], организации потребителей [44] и организации с многоуровневой иерархией [45]. В рамках проектирования каждой из них предложены институциональные решения важнейших организационных проблем: оппортунистического поведения инвесторов [42], работников [43] и менеджеров [45]. Также предложено оригинальное

институциональное решение проблемы собственности на предприятия, исключаяющее главные основы оппортунистического поведения всех участвующих в деятельности предприятия агентов в условиях, когда главным производственным фактором становятся не природные ресурсы, труд и капитал, а знания [42-45], что позволило автору разработать проекты изменения международных отношений [46-47], национальной и субнациональной структуры собственности и органов власти [48-52], средств финансового контроля [53-57], стимулирования предпринимательской деятельности в целом [58-60] и в отдельных отраслях экономики [61-64], а также в методах ведения предпринимательской деятельности [65-66], в управленческой культуре и подготовке управленцев [67-71].

Необходимо отметить, что институциональное моделирование идеальных экономических систем М.Ю. Савельевым сделано на основании эмпирических исследований культурных сред хозяйствования, а не в рамках кабинетных умозаключений, как, например, проект марксистского коммунизма, а также с помощью совершенно новых для институционализма методологических средств [24-30]: структурного анализа научных и управленческих текстов, квазигенетической реконструкции норм и информационно-синергетического моделирования экономических систем. В результате получена новая картина экономического мира [38], в котором слабые сигналы из культурных сред формируют всю институциональную структуру политико-экономических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schumacher, E.F. (1973), *Small is Beautiful: Economics as if People Really Mattered*, Harper and Row, New York.
2. Spiro, M.E. (1970), *Buddhism and Society: A Great Tradition and Its Burmese Vicissitudes*, Harper and Row, New York.
3. Keyes, C.F. (1993), "Buddhist Economics and Buddhist Fundamentalism in Burma and Thailand", in Marty, M.E. and Appleby, R.S. (Eds.), *Fundamentalisms and the State: Remaking Politics, Economies, and Militance*, University of Chicago Press, Chicago, pp. 367-409.
4. Lal, D. (1993), "The Economic Impact of Hindu Revivalism", in Marty, M.E. and Appleby, R.S. (Eds.), *Fundamentalisms and the State: Remaking Politics, Economies, and Militance*, University of Chicago Press, Chicago, pp. 410-426.
5. Pryor, F.L. (1988), "Corporatism as an Economic System: A Review Essay", *Journal of Comparative Economics*, Vol. 12, No. 3, pp. 317-344.
6. Rozman, G. (Ed.), (1991), *The East Asian Region: Confucian Heritage and Its Modern Adaptation*, Princeton University Press, Princeton.
7. Gonce, R.A. (1996), "Social Gospel, Ely, and Commons", *Journal of Economic Issues*, Vol. 30, No. 3, pp. 641-665.
8. Kahn, H. (1979), *World Economic Development: 1979 and Beyond*, Westview Press, Boulder.
9. Metzger, Thomas A. *Escape From Predicament. Neo-Confucianism and China's Evolving Political Culture*. New York: Columbia University Press, 1977.
10. Roetz, Heiner (1992): Die konfuzianische Ethik der Achsenzeit. Eine Rekonstruktion unter dem Aspekt des Durchbruchs zu postkonventionellem Denken. *Frankfurt: Suhrkamp*.
11. Smith, Adam (1759/1976): *The Theory of Moral Sentiments*. Oxford: Oxford University Press.
12. Kubin, Wolfgang. "Der unstete Affe. Zum Problem des Selbst im Konfuzianismus." In *Konfuzianismus und die Modernisierung Chinas*, edited by Silke Krieger and Rolf Trauzettel, 80-113, Mainz: Hase & Kohler, 1990.
13. Schubert, Gunter. "Zwischen Kant und Konfuzius. Ansätze zu einer Operationalisierung eines inter- kulturellen Menschenrechtsdialogs mit Ostasien." In *Menschenrechte in Ostasien. Zum Streit um die Universalität einer Idee II*, edited by Gunter Schubert, 19-52, Tübingen: Mohr Siebeck.
14. Smith, Vernon L. "Constructivist and Ecological Rationality in Economics." *The American Economic Review* 93(3): 465-508, 2003.
15. Long, Brendan. "Adam Smith's Natural Theology of Society." *The Adam Smith Review* 2: 124-148.
16. Wu, John C. "Chinese Legal and Political Philosophy." In *The Chinese Mind. Essentials of Chinese Philosophy and Culture*, edited by Charles Moore, 213-237. , Honolulu: The University Press of Hawaii, 1967.
17. Gerschlager, Caroline. "Beyond Economic Man: Adam Smith's Concept of the Agent and the Role of Deception." *Cahiers d'économiepolitique* 49, Spring, 31-49, 2005.
18. North, Douglass C. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton / Oxford: Princeton University Press, 2005.
19. Herrmann-Pillath, Carsten. "The Brain, Its Sensory Order and the Evolutionary Concept of Mind. On Hayek's Contribution to Evolutionary Epistemology." *Journal for Social and Biological Structures* 15(2): 145-187, 1992.
20. Kuran, T. (1995), "Islamic Economics and the Islamic Subeconomy", *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 9, No. 4, pp. 155-173.
21. Савельев М. Ю. Мультикультурный институционализм: Общая экономическая теория цивилизаций. Политическая экономия традиционализма. Проект сетевого общества: [монография]. – Ижевск: Ассоц. по методол. обеспечению деловой активности и обществ. развития «Митра», 2015. – 488 с.

22. Савельев М.Ю. Управление межнациональными отношениями и этносоциальными процессами средствами мультикультурного институционального проектирования в целях прогнозирования, предупреждения и регулирования конфликтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.36-44.
23. Савельев М.Ю. На пути к новой парадигме экономической и управленческой науки // Менеджмент: теория и практика. 1999. № 3 – 4. С. 42 – 63.
24. Савельев М.Ю. Проект парадигмы синергизма экономической науки // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.28-35.
25. Савельев М.Ю. Свойства экономических знаний // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.52-64.
26. Савельев М.Ю. Структурный анализ текстов по самоорганизации и самовоспроизведению // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.96-103.
27. Савельев М.Ю. Специфика разработки теоретических знаний для управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.45-51.
28. Савельев М.Ю. Синергетическая структура текстов социальных теорий // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.127-137.
29. Савельев М.Ю. Синергетическая структура денежной системы // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.150-154.
30. Савельев М.Ю. Критика теорий переходной экономики // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.155-159.
31. Савельев М.Ю. Постиндустриальные инструменты управления социально-экономическим неравенством территорий // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.253-259.
32. Савельев М.Ю. Онтологическая критика теорий постиндустриального общества // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.160-168.
33. Савельев М.Ю. Основное экономическое противоречие современной эпохи // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.366-369.
34. Савельев М.Ю. Как западные институты и традиции хозяйствования ограничивают развитие в иных культурных средах // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические

47. Савельев М.Ю. Обеспечение безопасности страны средствами культуруобусловленного проектирования знаниепроизводящих социально-экономических институтов // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.432-438.
48. Савельев М.Ю. Проект сетевого общества // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.419-431.
49. Савельев М.Ю. Возможные направления изменения структуры Правительства Удмуртской Республики по управлению реальным сектором экономики. // Менеджмент: теория и практика. 2001. № 1-2. С. 215 – 239.
50. Савельев М.Ю. Направления оптимизации территориальной системы управления Российской Федерации в целях развития гражданского общества // Власть и общество: Гражданское участие. – Ижевск, 2003. С. 31 – 68.
51. Савельев М.Ю. Асимметричные формы конкуренции национальных и субнациональных территорий // Проблемы и перспективы развития национальной экономики. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – Ижевск: Изд-во ИЭиУ УдГУ, 2006. С. 16-20
52. Савельев М.Ю. Аналитическая записка «Критика концепции проекта «Расширенный федерализм, сетевое государство и субсидиарность» (доклад С.В. Кириенко)» // Гражданское общество: практические и научно-методические аспекты. – Ижевск, 2002. С. 41 – 43.
53. Савельев М.Ю. Проблемы управляемости и устойчивости финансово-экономической системы России: системный синергетический подход. Модель бюджетных денег. // Пробл. регион. экономики. 1998. № 9 – 10. С. 182 – 189.
54. Кобзев А.Н., Савельев М.Ю. Комплекс оценочных показателей инвестиционных процессов региона. Екатеринбург – Ижевск, Изд-во Института экономики УрО РАН, 2007. 232 с.
55. Кобзев А.Н., Савельев М.Ю. Категориальный аппарат в системе государственного контроля инвестиционных процессов. Екатеринбург – Ижевск, Изд-во Института экономики УрО РАН, 2008. 53 с.
56. Савельев М.Ю. Соловьев А.Б. Оценка экономической безопасности регионов на основе статистических методов анализа финансовой отчетности. // Проблемы региональной экономики, № 1-2, 2009. с. 39-48
57. Савельев М.Ю. Исторические проблемы методологии бухгалтерского учета // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.455-460.
58. Савельев М.Ю. и др. Предпринимательский климат Удмуртской Республики. Портрет региона для инвесторов и предпринимателей: Докл. Ассоц. «Митра». Под ред. М.Ю. Савельева. // Митра-Консультант. 1999. № 1. С. 3 –51.
59. Савельев М.Ю. и др. Административные и налоговые барьеры на пути экономического развития в муниципальных образованиях и субъектах федерации Приволжского федерального округа Под ред. М.Ю. Савельева. // Роль региональных и муниципальных органов власти в развитии экономики России. – Ижевск, 2003. С. 7-188.
60. Савельев М.Ю. и др. Разработка моделей структуры и функций органов управления реальным сектором экономики регионов и муниципальных образований Российской Федерации в целях устойчивого развития и предотвращения структурных кризисов в условиях переходной многоукладной экономики. Под ред. М.Ю. Савельева. // Роль региональных и муниципальных органов власти в развитии экономики России. – Ижевск, 2003. С. 189-477.
61. Савельев М.Ю. Институциональная реформа Сбербанка: как сохранить доминирующее положение на рынке и сделать работу эффективной. // Пробл. регион. экономики, № 4-5, 2011. с. 216-223.
62. Козырев М.С., Савельев М.Ю. и др. Демонопользация и развитие новых форм управления рынком жилищно-коммунальных услуг в Удмуртской Республике. // Менеджмент: теория и практика. 2001. № 1-2. С. 205 – 214.
63. Савельев М.Ю. и др. Эффективная и прозрачная жилищно-коммунальная политика. // Митра-Консультант. 2002. № 3. С. 5 – 104.
64. Жукова Д.В. Савельев М.Ю. Исследование организации регионального энергоснабжения на основе модели кооперативной системы деятельности. // Проблемы региональной экономики, № 1-2, 2009. с. 147-163
65. Савельев М.Ю. Кому выгодна реструктуризация предприятия? Проблемы развития консультационного рынка России // Пробл. регион. экономики. 1998. № 9 – 10. С. 190 – 194.
66. Поляков Ю.Н., Савельев М.Ю., Спиркин А.В. Бизнес-планирование. Учебно-практическое пособие. Второе издание. Ижевск, 2007. 204 с.
67. Савельев М.Ю., Савельева М.Г. Из материалов программы «Развитие Удмуртии»: образование и наука // Менеджмент: теория и практика. 2000. № 5. С. 80 – 85.

68. Савельев М.Ю. Может ли УдГУ быть исследовательским университетом // Проблемы региональной экономики, № 4-5, 2011. С. 164-170.
69. Савельев М.Ю. О стратегическом развитии Института экономики и управления Удмуртского государственного университета // Проблемы региональной экономики, 2014, № 1-2, С 315-319.
70. Савельев М.Ю. Удмуртскому госуниверситету нужна новая стратегия развития // Наука Удмуртии, № 2 (72), 2015. С. 123-133.
71. Савельев М.Ю., Савельева М.Г. Методологическая культура как предвестник новой парадигмы экономической науки: что нужно делать с образованием высших управленцев // Надконституционные институты в разных культурных средах. Материалы международной научно-методологической конференции «Экономические, социальные и политические институты в разных культурных средах», под ред. М.Ю. Савельева, А.И. Савченко – Ижевск: Ассоциация по методологическому обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2015. С.470-479

M.S. Ishmanova, A.V. Borisenko, I.V. Ponomarev

FORMATION OF THE PERFECT ECONOMIC SYSTEM IN THE DIFFERENT CULTURAL ENVIRONMENTS

The article offers a comparative analysis of the ideal economic systems and institutions they need models, while noting that there is a tendency to provide a variety of models, which leads to the need for a thorough study of systems in order to choose the ideal. In determining compliance with the proposed classification of the ideal economic model proposed by MU Savelyev, you should pay attention to the management of the Far Eastern civilization achievements. Within the framework of individualism, Taoism, Buddhism offers a system of harmonious existence and susceptibility to change. Confucianism, assuming collectivism, offers command and consideration of ethical management system. A comparative analysis of the Far East and Western ethical and cultural environments of management. Efficient synthesis of modern and traditional, which is the basis of a new model of the ideal economic system determines its attractiveness to many countries, finding their way in transforming the world economy.

Keywords: ideal economic system, sociocentrism, neo-Confucianism, Buddhism, Taoism, A. Smith economic system, multicultural institutionalism, coordination, organization.

Ишманова Мария Сергеевна,
доцент кафедры экономической теории,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1 корп. 1,
maria-ish@yandex.ru
Борисенко Александр Валентинович,
эксперт-консультант, Ассоциация по методологическому
обеспечению деловой активности и общественного развития
«Митра», 426008, Россия, г. Ижевск, ул. Пушкинская, д. 241.
ekso-bor@mail.ru
Пономарев Илья Вячеславович,
эксперт-консультант, Ассоциация по методологическому
обеспечению деловой активности и общественного развития
«Митра», 426008, Россия, г. Ижевск, ул. Пушкинская, д. 241.
Ponomarev.i@me.com

Ishmanova Maria S.,
Associate Professor of Economic Theory,
Udmurt State University, Universitetskaya st., 1/1,
Izhevsk, Russia, 426034
maria-ish@yandex.ru
Borisenko Alexander.V.
assessor, Association for Methodological
Regulation of Business Activities and Social
Development «Mitra», Pushkinskaya st., 241,
Izhevsk, Russia, 426008
Ponomarev Ilya V.
assessor, Association for Methodological
Regulation of Business Activities and Social
Development «Mitra», Pushkinskaya st., 241,
Izhevsk, Russia, 426008